

Айхан Байоглу

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ (1917—1930-е)

Несмотря на кажущееся обилие источников и специальной литературы о тюркоязычных народах Центральной Азии, изучить их историю, как, допустим, историю Греции, Рима, Византии, Франции, Англии, России или государств Ближнего Востока, все же сложно, так как она практически до сих пор остается белым пятном как в российской, так и в зарубежной историографии. Этот объект изучения освещался, как правило, специалистами-историками смежных областей и специалистами-кочевниковедами, тонущими в непомерно разросшейся библиографии. Поэтому мы считаем, что прочтение источников без применения к ним методов исторической критики бессмысленно, а имеющиеся многочисленные статьи по частным вопросам весьма противоречивы. Чтобы продвигаться вперед время от времени необходимо подводить итоги исследований в данной области.

Сложность и многосторонность темы изучения древних тюрков Центральной Азии заставляют отнестись с сугубой внимательностью к принципам исторической критики и анализа. Для того чтобы написать историю древних тюрков исходя из реального хода событий, требуется критическое переосмысление многих известных фактов. В связи со сказанным нам представляется очевидным, что настало время, когда необходим общий обзор исследований по истории средневековых цивилизаций Центральной Азии в период существования там Тюркских каганатов, т. е. в VI—X вв.

В настоящей статье будут предложены взгляды на эту тему ряда историков лишь одного из периодов в российской историографии, а точнее, «переходного» периода в истории России, т. е. 1917—1930-е гг. Однако несколько слов в преддверии изложения все же хотелось бы посвятить предыстории, а именно дореволюционным исследователям в этой области.

Основоположником изучения истории и палеоэтнографии Срединной Азии в России был Н. Я. Бичурин (в монашестве Иакинф). Сделанные им переводы китайских хроник до сих пор остаются надежным фундаментом для исследований. Ошибки и неточности перевода редки, несущественны и не искажают основного повествования, как показали текстологические

работы Н. В. Кюнера, специально сличавшего труды Бичурина с подлинными текстами¹. Базируясь на вкладе Бичурина, В. В. Григорьев создал монументальную работу по исторической географии Восточного Туркестана². Путем сравнения греко-римских и арабо-персидских сведений с китайскими ему удалось установить преемственность культур и народов в этой области.

В 60-х гг. XIX в. трудами Н. И. Ильминского³ и В. В. Радлова⁴ было положено начало новому этапу в истории изучения тюркских языков (изучение древне- и среднетюркских памятников письменности, сравнительное изучение языков, составление общетюркского словаря и др.) Работы В. Радлова не безынтересны и взглядами автора на истории древних тюрков. Известно, что он стоял на точке зрения элементарного волюнтаризма. В. Радлов полагал, что только влияние вождей племен могло способствовать образованию в кратчайшее время мощных племенных комплексов. Вожди захватывали ханскую власть, и только крепкая рука хана могла удержать от гибели кочевое государство. Как только эта рука слабела — оно разваливалось. По этому поводу можно заметить, что настроения народа и преданность дружины делают руку хана крепкой или слабой в значительно большей степени, чем его личные качества.

В небольшой, но исключительно сжатой и насыщенной фактами и размышлениями книге Н. А. Аристова дана сводка сведений о всех тюркских существующих племенах⁵. Автор подошел вплотную к исследованию племен исчезнувших. Эта тема получила свое развитие в работе К. А. Иностранцева, исследовавшего вопрос о соотношении восточных хунну и европейских гуннов⁶. Предложенное им решение нашло позднее подтверждение в новых открытиях археологов.

Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными глазами» степняков. Благодаря этому русские ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира.

Конец XIX в. связан с именем В. В. Бартольда, который по-новому представил свои взгляды на историю народов Средней Азии⁷. Им были поставлены важные проблемы социальной и экономической истории, введены в научный оборот многие исторические источники на языках народов Ближнего Востока. Однако его работы по истории тюрков, хотя и сыграли положительную роль в истории вопроса, на мой взгляд, не внесли той ясности, которая смогла бы стать перспективой исследования. Слишком существенными являются различия в VI—VIII вв. между кочевыми тюрками и персами, в историю которых В. В. Бартольд вжил. Его взгляды порой вызывают удивление. Так, он объяснил, что «в надписи... высказываются некоторые демократические мысли», и сравнил тюркских

ханов с обоими Наполеонами, которые, окружив престол военной аристократией, придерживались идеи демократической империи. Много позднее В. Бартольд отмечал, что факт сословной борьбы не отмечен ни Радловым, наблюдавшим жизнь кочевников тогда, когда у них не было резкой социальной дифференциации, ни Томсеном, который, признавая борьбу между знатью и простым народом, не отметил значения этого факта⁸. Взгляды В. В. Бартольда, по нашему мнению, несмотря на кажущееся правдоподобие, не подтверждаются анализом истории тюркютов и голубых тюрков в целом.

В XIX — начале XX в. в развитии тюркологии принимают участие такие представители тюрко-язычных народов — как ученые Ч. Ч. Валиханов⁹, К. Насыри¹⁰, Н. Ф. Катанов¹¹. Особое место в истории кочевниковедения занял Г. Е. Грум-Гржимайло¹², работавший в начале XX в., когда открытие и прочтение орхонских надписей значительно повысили научный интерес к тюркологии. Уже к концу XIX в. возникла противоречивая литература на четырех языках, недоступная для начинающего исследователя. Нерешенные проблемы стали очевидными, так как из-за притока новых материалов возникали новые вопросы, и обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волнующие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов. Так как начинающий историк, естественно, не мог прочесть всех написанных о тюрках книг, то для него был только один путь — сужение темы, а отсутствие общей перспективы давало, как правило, неблагоприятные результаты.

Г. Е. Грум-Гржимайло, отчетливо сознавая, что его любимый предмет вот-вот будет похоронен под грудой названий книг, номеров журналов, ссылок и сносок, взялся за «кропотливый и неблагодарный труд» сведения всех существующих точек зрения и выяснения частных проблем этнологии, хронологии, исторической географии и истории Средней Азии с древнейших времен до XX в.

К счастью, весьма вовремя, и благодаря удивительной самоотверженности и таланту он за 25 лет создал сводную работу «Западная Монголия и Урянхайский край» (т. е. исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Это сочинение стало настольной книгой для всех историков Азии, причем необходимо отметить оригинальный подход автора к материалу. До сих пор историей Востока занимались филологи-ориенталисты, переводившие восточных авторов. Заслуга их перед наукой велика, но это только один аспект изучения, а им не исчерпывается все многообразие наблюдаемых явлений. Г. Е. Грум-Гржимайло взглянул на историю глазами географа. Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, извлеченными из летописей, с натурой в природе Тянь-Шаня, Хангая, Гоби.

Трудности, пережитые Грум-Гржимайло в горах и пустынях, дали ему возможность представить себе, как вписывались исторические события в ландшафт, и потому ему удалось сделать много блестящих историко-географических открытий, в частности установить место крепости Бишбалык.

В. В. Бартольд встретил острую критику Г. Е. Грум-Гржимайло, который решал проблемы ономастики как историк. Спор возник по поводу двух имен, встреченных в орхонских надписях, которые П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов и сам В. В. Бартольд рассматривали как имя легендарного прародителя тюрок, а Н. А. Аристов и Г. Е. Грум-Гржимайло — как имена двух братьев, ханов Первого каганата¹³. Спор был окончательно решен в пользу последнего предположения, тем самым был реабилитирован метод интерпретирования источников, против которого высказывался В. В. Бартольд, считавший в то время, что грамматически верно прочтенный текст страхует исследователя от ошибок. Слов нет, тексты нужно читать точно, но история одного этого диспута показывает, что грамматика и фонетика не могут заменить исторической критики.

Еще более опасна была рекомендация В. В. Бартольда ограничиться разработкой частных вопросов и отмечать отдельные промахи специалистов. К счастью, Г. Е. Грум-Гржимайло не принял ее во внимание. Если бы он поступил иначе, то к существовавшему тогда «морю» библиографии прибавилось бы 200—300 названий полемических заметок, разбросанных по разным периодическим изданиям без следов системы. Тогда просто не хватило бы времени ни у одного ученого разобраться в этих вопросах, так как он тратил бы все силы не на продумывание предмета, а на поиски тех или иных статей. Кроме того, за полвека, прошедшие со времени этой полемики, не нашлось специалиста, который взял бы на себя труд сводки мнений по широкой теме.

Советская тюркология отличалась от «дореволюционной» новой методологической основой, новыми задачами, однако в то же время она сумела сохранить лучшие традиции русского востоковедения. Помимо названных исследователей, большую роль в продолжении этих традиций и в создании новой тюркологии, особенно в области языкознания, сыграли такие учёные, как В. Д. Смирнов¹⁴, В. А. Богородицкий¹⁵, А. Н. Самойлович¹⁶, Н. И. Ашмарин¹⁷, А. Е. Крымский¹⁸, П. А. Фалев¹⁹, В. А. Гордлевский²⁰, которые, начав свою деятельность в дореволюционной России, продолжали её в советское время.

Значительный вклад в российскую тюркологию (в том числе в изучение тюркских языков) внесли И. А. Батманов²¹, К. К. Юдахин²², Н. А. Баскаков²³, С. Е. Малов²⁴ и другие исследователи.

Русская наука впервые поставила вопрос о корнях кочевой культуры. Особенности социальных институтов последней, стиль произведений

искусства и характерные черты военного дела, изученные с достаточной глубиной, показывают, что кочевая культура имеет самостоятельный путь становления, а не является периферийной, варварской, неполноценной.

Развернутые археологами работы, в том числе исследования С. И. Руденко²⁵, С. В. Киселева²⁶, А. П. Окладникова²⁷, дали такие результаты, что с этого времени мог быть поставлен вопрос лишь о взаимных влияниях между оседлыми и кочевыми народами, а никак не о заимствовании кочевниками культуры у китайцев, согдийцев или греков.

Большой удачей в смысле метода является книга М. И. Артамонова «История хазар»²⁸. В этой работе история народов Прикаспия и Причерноморья освещена изнутри; хазары и другие обитатели Южно-Русских степей впервые изучаются не как враги Византийской империи или соперники Киевской Руси, а как самостоятельная этнокультурная целостность, судьбы которой обусловлены исторической закономерностью, определившей величие и гибель Хазарии.

Подводя общий итог, отметим, что спектр исследований и ученых в 1917—1930-х гг. по истории древних тюрков Центральной Азии в VI—X вв. очень широк. Советская тюркология, унаследовав лучшие дореволюционные традиции, в 1917—1930-х гг. продолжала развиваться бурными темпами, в основном уже исследуя семантику тюркских языков. Переход от старой школы российской тюркологии к советско-марксистской традиции приходится примерно на начало 30-х гг. XX столетия. После ухода из жизни В. В. Бартольда и Б. Я. Владимирцева тон в российской исторической тюркологии начинают задавать ученые, твердо стоявшие на позициях исторического материализма²⁹.

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии. СПб., 1928; Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950; Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Средней и Восточной Азии. Чебоксары, 1960.

² Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

³ Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.

⁴ См.: Ильминский Н. И. Бабур-намэ. СПб., 1934; Радлов В. В. Атлас древнейшей Монголии. СПб., 1892—1899; Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899; Он же. К вопросу об уйгурах. СПб., 1928. Важным моментом, на который мы считаем необходимым указать, является определенная степень относительности временной даты 1917—1930-х гг. Так, исследователь по тюркологии В. В. Радлов умер в 1918 г. и с формальной точки зрения исследователь относится к нашей проблематике. Но основная часть его работ по тюркологии была написана до 1917 г. Поэтому для нас была некоторая сложность в использовании исследований данного ученого, а также ряда иных авторов.

⁵ Радлов В. В. Титулы и имена уйгурских ханов // ЗВРАО. 1891. № 5.

⁶ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896 (отдельный оттиск).

- ⁷ *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
- ⁸ См. об этом: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВОРАО. 1893. Т. 8; *Он же.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб., 1897; *Он же.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Л., 1927; *Он же.* Кыргызы. Фрунзе, 1943.
- ⁹ *Бартольд В. В.* Томсен и история Средней Азии. Пг., 1926.
- ¹⁰ См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985.
- ¹¹ См.: *Насыри К.* Поверья и обряды казанских татар... СПб., 1880; *Он же.* Образцы народной литературы казанских татар. СПб., 1896.
- ¹² См.: *Катанов Н. Ф.* Сказание иностранцев о Казани. Казань, 1903.
- ¹³ *Грум-Гржимайло Г. Е.* Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1896; *Он же.* Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора. СПб., 1903.
- ¹⁴ *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926.
- ¹⁵ См.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887; *Он же.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903.
- ¹⁶ *Богородицкий В. А.* Введение в тюрко-татарское языкознание. – Казань, 1922.; *Он же.* Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.
- ¹⁷ *Самойлович А. Н.* К истории литературного среднеазиатского тюркского языка // Мир Али-Шир. Л., 1929.
- ¹⁸ *Ашмарин Н. И.* Общий обзор народных тюркских говоров. Баку, 1926.
- ¹⁹ *Крымский А. Е.* История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка. М., 1910.
- ²⁰ *Фалев П. А.* Введение в изучение тюркских литератур и наречий: Лекции, читанные П. А. Фалевым в 1921 г. в Туркест. восточ. ин-те. Ташкент, 1922.
- ²¹ *Гордлевский В. А.* Грамматика турецкого языка. (Морфология и синтаксис). М., 1928; *Он же.* Турецкая хрестоматия со словарем. М., 1931.
- ²² *Батманов И. А.* Принципы построения описательной грамматики киргизского языка. (Тез. докл.). Фрунзе, 1954.
- ²³ *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- ²⁴ *Баскаков Н. А.* и *Насилов В. М.* Уйгурско-русский словарь. М., 1939; *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960; Очерк истории функционального развития тюркских языков и их классификация. Ашхабад, 1988.
- ²⁵ *Малов С. Е.* Изучение ярлыков и восточных грамот. М., 1928; Памятники древне-тюркской письменности. М., 1951.
- ²⁶ См.: *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., 1953.
- ²⁷ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
- ²⁸ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- ²⁹ *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; *Он же.* История хазар. Л., 1962.